

Скотт Вальтер Баллады

Оглавление

ГЛЕНФИНЛАС, или ПЛАЧ ПО ЛОРДУ РОНАЛДУ
ИВАНОВ ВЕЧЕР
ЗАМОК КЭДЬО
ВЛАДЫКА ОГНЯ
ЗАМОК СЕМИ ЩИТОВ
БИТВА ПРИ ЗЕМПАХЕ

ГЛЕНФИНЛАС, или ПЛАЧ ПО ЛОРДУ РОНАЛДУ

Подвластна им бесплотных духов рать,
Им ведомо - из этой вереницы
Кто может бурю и грозу наслать.
Безумцам уподобясь, те провидцы
Глядят во тьму, где тайное вершится.
Коллинз
О, скорбный час! О, скорбный час!
Туманит горе нам глаза!
Навеки вождь покинул нас,
Могучий дуб сожгла гроза.
Враги дрожали пред тобой,
Сын Гильенора, Роналд наш:
Бил прямо в цель твой лук тугой,
Не знал пощады твой палаш.
И горек плач саксонских вдов
В краю, где Тиза плещет вал,
Где ты, низринувшись с холмов,
В бою мужей их побеждал.
А в мае Роналда костер
Всех ярче пламенел среди тьмы,
И весело звучал наш хор,
И до утра плясали мы.
Для нас был Роналд крепкий щит,
Спокойно жили стар и млад...
О, как теперь душа скорбит:
Он не воротится назад!
К нему однажды старый друг
Приехал с дальних островов,
Чтоб вместе скоротать досуг
Охотою в глуши лесов.
Гость Роналда, отважный Мой,
Был дивным даром награжден:
По арфе пробежав рукой,
Грядущее провидел он.
Заклятья он такие знал,
Что отступал пред ним злой дух,
Такие песни он слагал,
Что устрашался смертных слух.
Тех чудных песен волшебство
Сзывало мертвых из могил,
И прозревал он смерть того,
Кто был еще в расцвете сил.
И вот, наскучив есть и пить,
Решили как-то поутру
Вожди оленя затравить
В глухом гленфинласском бору.
Нет с ними слуг, дружины нет,
Чтоб на охоте их беречь:
Одежда их - шотландский плед,
А верный страж - шотландский меч.

Три летних дня в лесу густом
Летают стрелы и поют,
И вот охотники вдвоем
Несут добычу в свой приют.
Гленфинласский угрюмый бор
Один ту хижину стерег;
С ней вел немолчный разговор
Монейры сумрачный поток.
И мирны были небеса,
И был покой земли глубок,
И летняя легла роса
На мох, на вереск, на песок.
Сквозь дымку серебристых туч
Пробилась бледная луна
И бросила неверный луч
На лес, на Кэтрин-лох она.
Беседуя, вожди едят
Настрелянная дичь вкусна,
У Роналда сверкает взгляд,
И он за Моя пьет до дна.
"Чего нам здесь недостает,
Чтоб стал блаженным этот час?
Девичьих вздохов, льющих мед,
Горячих уст и томных глаз.
Взрастил Гленгайл, гордец седой,
Двух дочек, наших гор красу,
Они сегодня, встав с зарей,
Вдвоем охотятся в лесу.
Мила мне Мэри с давних пор,
И хитрую я вел игру,
Но слишком зорок Флоры взор
Как страж, она хранит сестру.
Уйду я с Мэри далеко,
Ты ж Флоре преподашь урок,
Чтоб поняла, как нелегко
Упрятать сердце под замок.
Чуть арфы прозвучит напев,
Взволнованна, упоена,
И Мэри и меня презрев,
Вся обратится в слух она,
Потом склонится головой
На ложе из душистых трав...
И тут поверит даже Мой,
Что был отшельник Орен прав!"
"Мир для меня уныл и пуст
С тех пор, как Морны взор угас:
В нем больше нет горячих уст,
Медовых вздохов, томных глаз.
В тот день я стал к надеждам глух.
Когда ж коснулся струн рукой,
Провидчества жестокий дух
Скорбящей овладел душой.

О, дар разгневанных небес
Прозрение грядущих бед!
С ним проблеск радости исчез,
С ним помутился белый свет!
Ты в Обене ладью видал
Над ней свод неба голубел...
А я у колонсейских скал
Уже ее в обломках зрел.
Ты помнишь, как с бенморских круч
Твоей сестры спускался сын?
Он шел, отважен и могуч,
Войной на жителей долин.
Лавиной воины неслись,
Сверкали звонкие щиты,
И пледы по ветру вились,
И Фергюсом гордился ты.
А я - я видел крови ток,
И слышал смертной муки стон,
И знал - его настигнет рок:
Он будет копьями сражен.
Ты хочешь, чтоб отдался Мой
Утехам легким, не любя,
А он сейчас, о Роналд мой,
В тоске и страхе за тебя.
На лбу твоём холодный пот,
Твой ангел плачет, духи зла
Ведут свой хоровод, и вот...
Но дальше все сокрыла мгла".
"Сиди один и брови хмурь,
Пророк напастей и невзгод...
Я не боюсь грядущих бурь,
Когда так ясен небосвод!
И пусть правдив твой приговор
Страх не проникнет в грудь мою:
Отважно примет Гильенор
От вражьиx копий смерть в бою.
Легла роса, сгустился мрак,
И Мэри ждать уже невмочь..."
Он свистнул весело собак
И, не простившись, канул в ночь.
Медлительно текли часы,
Багрово тлели головни,
И вот скуля вернулись псы,
У ног вождя легли они.
Где ж Роналд? Полночь. Тьма кругом.
У Моя на душе тоска.
Склонившись перед очагом,
Он угли шевелит слегка.
Но что это? Шуршат кусты,
В рычанье псов - смертельный страх.
Они дрожат, поджав хвосты,
Шерсть дыбом встала на хребтах.

Открылась дверь. За ней - ни зги.
И арфа зазвучала вдруг,
И легкие слышны шаги,
Им вторит струн дрожащий звук.
При свете меркнувших огней
Увидел незнакомку Мой
В одежде листьев зеленой,
Всю окропленную росой.
Насквозь промокла от росы.
На шее - капель жемчуга.
Сушила золото косы
Красавица у очага.
И робкий голос прозвучал,
И был он пенья птиц нежней:
"Ты девушку не повстречал
В одежде листьев зеленой?
С ней вождь, прославленный герой,
Он по-охотничьи одет,
При нем палаш и лук тугой,
По ветру вольно вьется плед",
"Но кто же ты? Кто двое те?
Мой спрашивает, побледнев.
Зачем ты бродишь в темноте?
Не место здесь для юных дев".
"У Кэтрин-лох, меж мрачных скал,
Над синевой бездонных вод,
Наверно, замок ты видал?
В нем доблестный Гленгайл живет.
Я дочь его и в этот бор
С сестрой охотиться пошла.
Нам повстречался Гильенор...
Меня охота увлекла,
Я заблудилась... Ночь, темно...
О, помоги найти сестру!
Нечистой силы тут полно
Одна, от страха я умру".
"Да, злобных духов здесь не счесть,
И, чтоб обычай соблюсти,
Молитву должен я прочесть;
Потом готов с тобой идти".
"Нет, прежде проводи меня!
Тебе ведь жалость не чужда:
Должна до наступленья дня
Я дома быть - не то беда!"
"Три "Отче наш" сперва скажи,
Три "Славься" повтори за мной,
Уста к писанью приложи,
И легок будет путь домой".
"И это рыцарь? О позор!
Ты мне и жалок и смешон!
Скорее воинский убор
Смени на черный капюшон.

А ведь задор в тебе кипел,
Не страшен был и самый ад,
Когда в Данлетмоне ты пел
Беспечной Морны томный взгляд".
Мой на мгновенье онемел,
И пламень сумрачный в глазах,
И щеки белы, словно мел,
А в сердце ненависть и страх.
"Когда я у костра без слов
Лежал, сказав "прощай" всему,
Не ветер ли тебя принес,
Не ты ль кружилась там в дыму?
Сгинь с глаз моих, изыди, тварь!
В тебе не смертных кровь течет:
Родитель твой - подземный царь,
А мать - властительница вод!"
И Мой лицом к востоку стал,
С лица откинул прядь волос,
Молитву трижды прошептал,
Заклятье трижды произнес.
И заиграл на арфе он
Был мрачен тот напев и дик...
Какой в ответ раздался стон,
Как изменился девы лик!
Змеей виясь, она росла,
Коснулась крыши головой
И сгнула - как не была;
А вслед лишь ветра свист и вой.
И град пошел, и хлынул дождь,
Лачугу смыл воды поток,
Но невредим остался вождь:
Он и под ливнем не промок.
И хохот дьявольский потряс
Насупившийся темный лес,
Потом затих, вдали угас
Под сводом северных небес.
Едва он смолк, ударил гром,
И с кровью смешанная грязь
На угли очага ручьем,
Шипя и брызжа, пролилась.
Отрубленная голова
Упала наземь тяжело...
В глазах предсмертная тоска...
Багряный пот залил чело
Чело бесстрашного вождя,
Того, кто нас на битву вел
И кто, с бенморских круч сойдя,
В смятенье повергал весь дол.
Монейры мрачной берега
И ты, Гленфинлас роковой,
Вовек охотника нога
Не потревожит ваш покой.

И путники в палящий день
Вас осторожно обойдут,
Затем что проклятая сень
Лесных жестоких дев приют.
А мы - кто нас от бед спасет?
Кто поведет на бой с врагом?
О Роналд, Роналд, наш оплот,
Мы над тобою слезы льем!
О, скорбный час! О, скорбный час!
Туманит горе нам глаза.
Навеки вождь покинул нас,
Могучий дуб сожгла гроза.
1799
Перевод Э. Линецкой

ИВАНОВ ВЕЧЕР

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.
Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;
Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.
Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.
Анкрамморския битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;
Но железный шолом был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавно кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.
Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаяся в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул - и паж молодой
На условленный свист прибежал.
"Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.
Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи;
Что заметил? Что было с твоей госпожой?"

И кто был у твоей госпожи?"
"Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном),
И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.
Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна - я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одинок маяк пламенел.
На другую же ночь - я за ней по следам
На вершину опять побежал,
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.
Подпершись мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.
И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.
И сказала (я слышал): "В полуночный час
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином;
Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженье забыл про меня
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня".
"Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет".
"О, сомнение, прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.
Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной".
"Пусть собака молчит, часовой не трубит,
И трава не слышна под ногой,
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной".
"Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он

Будет три дни поминки творить".
Он нахмуясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
"Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.
Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитою мглы".
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы".
И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
"Но скажи наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!"
"Показалось мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом".
"Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец".
"Нет! не чудилось мне; я стоял при огне,
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам".
И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
"Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.
Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подьмелется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.
Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой".
Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку и видит: с печалью в лице,
Одиноко-унылая, там
Молодая жена - и тиха и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.
"Я с тобою опять, молодая жена".
"В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?"
"Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит

И беречься недобрых гостей".
При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной головой,
И за нею суровый барон.
Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
"Не пробудится он; не подыметсЯ он;
Мертвецы не встают из могил".
Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.
Не спалось лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.
"Воротись, удались", - она говорит.
"Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит:
Не страшись, не услышит нас он.
Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают - и труп мой зарыт.
Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон?
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;
Где видались мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы, но ты
Заклинала Ивановым днем".
Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: "Но что же с тобой?
Дай один мне ответ - ты спасен ли иль нет?
Он печально потряс головой.
"Выкупается кровью пролитая кровь,
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь
Ты сама будь свидетель тому".
Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.
И печать роковая в столе возжена:
Отразились пальцы на нем;
На руке ж - но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.
Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:

И дичится людей и молчит.
Сей монах молчаливый и мрачный - кто он?
Та монахиня - кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.
1799
Перевод В. Жуковского

ЗАМОК КЭДЬО

Посвящается высокочтимой леди
Анне Гамильтон
Когда прапрадеды твои
В старинном Кэдьо, в гордом зале
Веселье пенистой струи
Гостям по кубкам разливали,
Тогда и сладкий струнный звон,
И смех, беспечный и надменный,
И буйный пляс со всех сторон,
Ликуя, отражали стены.
А ныне их пустой скелет
Плющом затянутые плиты
На зов теней дают ответ,
На горной речки рев сердитый.
Той славы блеск померк, погас,
Но ты, красавица, велела,
Чтоб я о ней сложил рассказ
На диком берегу Эвендела.
Порой, устав от суеты,
Забыв про светские победы,
К минувшим дням влечешься ты
К могилам, где почили деды.
И вот по слову твоему
Встают разрушенные своды,
Век нынешний скользит во тьму,
А старые сияют годы.
Там, где руины между скал
Казались дикими камнями,
Бойниц раздвинулся оскал
И плещет рыцарское знамя.
И вот на берегу речном
Не цепкий хмель, не терн косматый
Опоры каменных хором,
Суровых башен строй зубчатый.
Ночь. Эвен под скалой ревет,
По волнам тень зубцов струится,
Луну затмил на зыби вод
Огонь из башенной глазницы.
Восток сереет. Страж ночной
Ушел, устав бороться дремоту.
Лай. Ржанье. Радостной толпой
Из замка едут на охоту.

Опущен мост. Скорей, скорей!
Скликай борзых - и ногу в стремя!
Ретивых горячить коней
И мчаться вдаль настало время.
За Гамильтоном, за вождем,
Все удалыцы родного клана.
Под величавым седоком
Скакун быстрее урагана.
Бежит олень из рощ густых,
В глазах у серн тоска, тревога.
Из чащи горной гонит их
Призыв охотничьего рога.
Но что певучий этот звук
Тут, между древними дубами,
Как громом заглушило вдруг,
Рассыпавшимся над горами?
То самый мощный из зверей,
Рожденный в каледонской пуще,
То Горный Бык, под треск ветвей
По склону дикому бегущий.
Он прямо на врагов летит,
Неистовый и горделивый,
Очами ярыми грозит
И снежной встряхивает гривой.
Но без ошибки лет копыта
Нацелил вождь: его добыча
На землю падает, храпя.
"Ура!" И лес дрожит от клича.
Вот полдень. Отдохнуть пора
Под сенью дуба-исполина.
Клубится сладкий дым костра
В кустах, где жарится дичина.
И вождь на молодцов своих
Глядит, и он гордится ими.
Но нет здесь лучшего из них,
Носящих доблестное имя.
"Где Босуэло? И почему
Не делит с нами труд и славу?
Где он? Кому, как не ему,
Любить охотничью забаву?"
Нахмурился суровый Клод,
Владелец Пэйзли своенравный:
"Ни празднеств больше, ни охот
Не хочет знать наш родич славный,
Еще недавно в добрый час
Он осушал свой кубок пенный,
С веселым сердцем возвратясь
Домой, в родного замка стены.
Как роза бледная, нежна,
В покое пышном и старинном
Встречала воина жена
С его новорожденным сыном.

Но горе! Мэрри, подлый враг,
Наслал убийц на дом злосчастный.
Где мирный теплился очаг,
Пожар бушует дымно-красный.
На темных Эска берегах
Чья тень скользит, роняя слезы,
С младенцем - тенью на руках?
Ее ли - нежной, бледной розы?
И путник слышит слабый стон,
Случайно поравнявшись с нею:
"Наш род поруган, угнетен.
Отмщенье Мэрри-лиходею!"
Он смолк. И содрогнулся лог
От выкриков ожесточенных,
И вождь свой эрренский клинок
Извлек из ножен золоченых.
Но кто там мчится между скал,
Спешит сквозь заросли лесные?
Чей окровавленный кинжал
Язвит коню бока крутые?
Безумный, неподвижный взгляд
Под тяжко-хмурыми бровями,
Кровь на руках... "Да это брат!
Наш Босуэло! Он здесь, он с нами!"
И спрыгнул всадник молодой
С коня, что загнан без пощады,
И карабин отбросил свой,
Уже свершивший все, что надо.
"Отрадно слышать, - молвил он,
Призывы рога утром рано,
Но мстителю отрадней стон
Лежащего в крови тирана.
Как яро Горный Бык бежал
На вас, друзья, в кровавой пене!
Но Мэрри в Линлитгоу вступал
С клеветами еще надменной.
Он гордо шел от рубежа,
Губя страну, глумясь над нею,
И, сбавив спеси, Нокс-ханжа
С улыбкой кланялся злодею.
Но могут ли гордячка Власть
И блеск и пышность Самоуверенья
Порыв Отчаянья заклясть,
Поколебать решимость Мщенья?
В процессию вперяя взгляд,
В засаде я стоял, у щели.
С английскими смычками в лад
Шотландские волынки пели.
Шел гнусный Мортон впереди,
Убийцы спутник неизменный,
И выступали позади
С мечами в пледах Макфарлены.

Льстецы Гленкери и Паркхед с ним,
И Линдсей, мрачный, непреклонный,
Чей взор был так неумолим
К слезам Марии оскорбленной.
Шлем регента с цветным пером
Сверкал над лесом копий гордо,
И конь его ступал с трудом
Так тесно вокруг толпились лорды.
Следил за всем суровый взгляд
Из-под открытого забрала,
Рука стальным рядам солдат
Стальным жезлом повелевала.
Но хмурилось его чело,
С сомнением гордость в нем боролась.
"Готов ко мщению Босуэло",
Шептал ему враждебный голос.
Гром выстрела. Конь на дыбах.
Народ шумит, гудит, трепещет.
Пернатый шлем летит во прах.
Он над толпою не возблещет!
Да, счастлив, кто в глазах прочел
У милой ласковое слово,
Кто, мстя за сына, заколол
Убийцу - хищника лесного!
Но я счастливей был стократ,
Когда тиран, сраженный мщением,
Души своей злодейской смрад
Предсмертным изрыгал хрипением.
И Маргарет моя чело
Над ним склонила, как живая:
"Свершилось мщение Босуэло!"
Тиран услышал умирая.
Встань! Знамя по ветру развеяй,
Вождь Гамильтонов благородный!
Пал Мэрри от руки моей.
Сыны Шотландии свободны".
Все воины уже в седле,
И трубным гласом клич народа
Летит по всей родной земле:
"Пал Мэрри! Родине - свобода!"
Но что же это? Блеска пик
Не видно, стихли крик и топот.
Их ветерок развеял вмиг,
Унес потока мирный ропот.
Где труб раскатывался гром,
Веселый дрозд свистит в долине.
Молчат увитые плющом
Руины каменной твердыни.
Не вождь свой клан зовет на бой,
Крича о мести и свободе,
Красотка нежною рукой
Небрежно теребит поводья.

Да будет радостен удел
Прелестницы, что захотела
Услышать повесть давних дел
На диком берегу Эвендела!
1801
Перевод Н. Рыковой

ВЛАДЫКА ОГНЯ

Внемлите, о дамы и рыцари, мне.
Вам арфа споет о любви и войне,
Чтоб грустные струны до вас донесли
Преданье об Элберте и Розали.
Вот замок в горах на утесе крутом,
И с посохом длинным стоит под окном
В плаще пропыленном седой пилигрим.
Прекрасная леди в слезах перед ним.
"Скажи мне, скажи мне, о странник седой,
Давно ли ты был в Палестине святой?
Какие ты вести принес нам с войны?
Что рыцари наши, цвет нашей страны?"
"Земля галилейская в наших руках,
А рыцари бьются в ливанских горах.
Султан навсегда Галаад потерял.
Померк полумесяц, и крест воссиял!"
Она золотую цепочку сняла,
Она пилигриму ее отдала:
"Возьми же, возьми же, о странник седой,
За добрые вести о битве святой.
Возьми и скажи мне, седой пилигрим,
Где славный граф Элберт? Встречался ты
с ним?
Наверно, он первым в ту битву вступал,
Где пал полумесяц и крест воссиял?"
"О леди, дуб зелен, покуда растет;
Ручей так прозрачен, покуда течет.
Ваш замок незыблем и горды мечты,
Но, леди, все брэнно, все вянут цветы!
Иссушат морозы листву на ветвях,
И молния стены повергнет во прах,
Ручей замутился, поблекнет мечта...
В плену у султана защитник креста".
Красавица скачет на быстром коне,
(С ней меч - он сгодится во вражьей стране),
Плывет на галере сквозь шторм и туман,
Чтоб выкупить Элберта у мусульман.
А ветреный рыцарь не думал о ней,
Не думал он даже о чести своей:
Прекрасной язычницей Элберт пленен,
Влюблен в дочь султана ливанского он.
"О рыцарь, мой рыцарь, ты жаждешь любви?
Так прежде исполни три просьбы мои.

Прими нашу веру, забудь о своей
Вот первая просьба Зулеймы твоей.
В святилище курдов над вечным огнем
Три ночи на страже во мраке глухом
Безмолвно простой у железных дверей
Вот просьба вторая Зулеймы твоей.
Чтоб грабить страну перестали враги,
Мечом и советом ты нам помоги
Всех франков изгнать из отчизны моей
Вот третье желанье Зулеймы твоей".
Отрекся от рыцарства он и Христа,
Снял меч с рукояткою в виде креста,
Надел он тюрбан и зеленый кафтан
Для той, чьей красою гордится Ливан.
И вот он в пещере, где ночи черней
Стальные порталы несчетных дверей.
И ждал он, пока не настала заря,
Но видел лишь вечный огонь алтаря.
В смятенье царевна, в смятенье султан,
Жрецы раздраженные чуют обман.
С молитвами графа они увели
И четки на нем под одеждой нашли.
Он снова в пещере, во мраке немом.
Вдруг ветер завыл за дверями кругом,
Провыл и умолк, и не слышно его,
А пламя недвижно, и нет никого.
Над графом опять заклинанья творят,
Его обыскали от шеи до пят,
И вот на груди перед взором жреца
Крест, выжженный в детстве рукою отца.
И стали жрецы этот крест вытравлять,
А в полночь отступник в пещере опять.
Вдруг шепот он слышит над ухом своим
То ангел-хранитель прощается с ним.
Колелется граф - не уйти ли назад?
И волосы дыбом, и руки дрожат.
Но дерзкой гордыней он вновь обуян:
Он вспомнил о той, кем гордится Ливан.
И только сошел он под своды, как вдруг
Все ветры небес загудели вокруг,
Все двери раскрылись, гремя и звеня,
И в вихре явился Владыка Огня.
И все затряслось, застонало кругом,
И пламя над камнем взметнулось столбом,
И алая лава вскипела, горя,
Приветствуя громом явленье Царя.
Сплетенный из молний в тумане седом,
Был сам он - как туча, а голос - как гром,
И гордый граф Элберт, колени склоня,
Со страхом взирал на Владыку Огня.
И меч, полыхавший в лиловом дыму,
Ужасный Царь Пламени подал ему:

"Ты всех побеждать будешь этим мечом,
Доколь не склонишься пред девой с крестом".
Волшебный подарок отступник берет,
Дрожа и с колен не вставая. Но вот
Раскаты утихли, огонь задрожал,
И в вихре крутящемся призрак пропал.
Хоть сердце исполнено лжи, но рука,
Как прежде, у графа верна и крепка:
Дрожат христиане, ликует Ливан,
С тех пор как ведет он полки мусульман.
От волн галилейских до горных лесов
Песок самарийский пил кровь храбрецов,
Пока не привел тамплиеров в Ливан
Король Болдуин, чтоб разбить мусульман.
Литавры гремят, и труба им в ответ,
А копыя скрестились и застили свет,
Но путь себе граф прорубает мечом
Он жаждет сразиться с самим королем.
Едва ли теперь короля оградит
Его крестоносный испытанный щит.
Но тут налетел на отступника паж,
Тюрбан разрубил, перерезал плюмаж.
И граф покачнулся в седле золотом,
Склонясь головой перед вражьем щитом,
И только тюрбаном коснулся креста,
"Vonne grace, Notre Dame!" { * } - прошептали уста.
{* Смилуйся, божья мать! (франц.).}
И страшные чары окончились вдруг:
Меч вылетел у ренегата из рук,
И молнии алой сверкнули крыла
К Владыке Огня она меч унесла.
Железный кулак ударяет в висок,
И замертво падает паж на песок,
И шлем серебристый разбит пополам,
И смотрит граф Элберт, не веря глазам.
Упала волна золотистых кудрей...
Недолго стоял он, склонившись над ней:
Летят тамплиеры по склонам долин,
Окрашены копыя в крови сарацин.
Бегут сарацины, и курды бегут,
Мечи крестоносцев им гибель несут,
И коршунов пища кровавая ждет
От дальних холмов до солимских ворот.
Кто в белом тюрбане лежит недвижим?
И кто этот паж, что простерт перед ним?
Не встать никогда им с холодной земли.
То мертвый граф Элберт и с ним Розали.
Ее погребли под солимской стеной,
А графа отпел лишь стервятник степной.
Душа ее в небе близ Девы парит,
А грешник в огне негасимом горит.
Поныне поют менестрели о том,

Как был полумесяц повержен крестом,
Чтоб дамы и рыцари вспомнить могли
Преданье об Элберте и Розали.

1801

Перевод В. Бетаки

ЗАМОК СЕМИ ЩИТОВ

Был Урьен-друид всех друидов мудрей.
Прекрасных он вырастил семь дочерей.
Наукам он их обучил колдовским.
И семь королей едут свататься к ним.
И первый, Ивейн, был король хоть куда:
Плешив, как колено, торчком борода.
А следом явились Данмайел и Росс,
Не стригшие сроду ногтей и волос.
Был крив король Мейдор, и Доналд был хром,
А Лот от рождения был горбуном.
Но Эдолф, на тех шестерых непохож,
Был молод и весел, учтив и пригож.
Он люб всем невестам. И вот меж сестер
Идет из-за юного Эдолфа спор.
Когда ж к рукопашной они перешли,
Им князь преисподней предстал из земли.
Они присягнули на верность ему,
Им в помощь призвал он ложь, злобу и тьму.
Семь прялок он дал им и семь веретен,
И тайный обряд заповедал им он:
"Садитесь за прялку, - сказал сатана,
И вырастет башня из веретена.
Там кривда бела будет, правда - черна;
Там с другом сердечным вам жизнь суждена".
Луна озаряет равнину окрест.
За прялками в полночь сидят семь невест.
Смочив своей кровью шерсть черных ягнят,
Поют заклинанья и нитку сучат.
Жужжат веретена. И вот уж видны
Семь призрачных башен под светом луны,
Семь стен, и семь рвов, и семь крепких ворот.
Из мглистого сумрака замок встает.
В том замке обвенчаны семь королей.
Шесть утром в крови захлебнулись своей.
Семь женщин - у каждой кровавый кинжал
Приблизились к ложу, где Эдолф лежал,
"Мы тех шестерых умертвили сейчас.
Их жен, их владенья получишь зараз.
А если услышим мы дерзкий отказ,
Тогда овдовеет седьмая из нас".
Но Эдолф заклят был от дьявольских сил:
Святых он даров перед свадьбой вкусил.
Семь раз свистнул меч - и тяжел и остер,
И Эдолф сразил семь злодеек-сестер"

Постригся в монахи несчастный король
И вскоре оставил земную юдоль.
А дьявольский замок поныне стоит.
Над каждым из входов - корона и щит.
Богатства семи королей там лежат.
Нечистая сила хранит этот клад.
Кто в замок проникнет при свете луны,
Тот станет владельцем несметной казны.
Но люди мельчают, наш мир одряхлел,
Нет места в нем ныне для доблестных дел.
И где тот храбрец, что рожден для удач,
Кто хладен рассудком, а сердцем горяч?
И клад будет долго отважного ждать.
Скорей потекут реки бурные вспять
И вздыбится дно океана горой,
Чем в дьявольский замок проникнет герой.
1817
Перевод М. Донского

БИТВА ПРИ ЗЕМПАХЕ

В тот год на липах у реки
Гудел пчелиный рой,
И говорили старики:
Запахло, мол, войной.
Глядим, на Виллисау, в дол
Вся в пламени страна;
Эрцгерцог Леопольд пришел,
И с ним пришла война.
Австрийцы зря не тратят слов,
Их пыл неукротим:
"Мы всех швейцарских мужиков
Вчистую истребим".
Оружья звон и трубный стон
У цюрихских ворот,
И бархат вражеских знамен
Вдоль озера плывет.
"Эй, рыцари с низин, вы тут
Забрались в дебри гор,
Не ведая о том, что ждут
Вас гибель и позор.
Не будет вам пути назад,
Покайтесь-ка в грехах:
Вы попадете прямо в ад,
Затеяв бой в горах".
"А есть ли тут отец святой,
Чтоб исповедь принять?"
"Нет, он ушел за край родной
С врагами воевать.
Он вас благословить готов
Железным кулаком
И отпущение грехов

Вам даст своим копьем".
Но вот уж начало светать,
Роса в лугах блестит...
И видят жницы - наша рать
У Земпаха стоит.
Люцерн собрал своих солдат,
И прочен их союз:
И каждый мужеством объят,
Любой из них не трус.
Из Заячьего замка граф
Эрцгерцогу сказал:
"У горца, видно, смелый нрав,
Хоть мал он, да удал".
"Граф Заячий, ты заяц сам!"
Тут Оксеншерн вспылит.
"Что будет - мы увидим там",
Граф едко возразил.
Идут, сомкнув ряды полков,
Австрийцы молодцы...
У остроносых башмаков
Обрублены концы.
Они друг другу говорят:
"Похвастать нечем тут...
Рассеять горсточку солдат
Не столь великий труд".
Швейцарцы стали в тесный круг...
Услышал бог бойцов,
И радуга блеснула вдруг
Меж темных облаков.
Сердца как молоты стучат,
И, ко всему готов,
Швейцарский двинулся отряд
В атаку на врагов.
Тут зарычал австрийский лев
И гривую затряс...
И стрелы, злобно засвистев,
Посыпались на нас.
Копье и меч - все в ход пошло,
Был этот бой жесток...
Немало рыцарей легло
Уже у наших ног.
Но враг незыблемо стоит:
Лес копий - словно вал...
Тогда отважный Винкельрид
Товарищам сказал:
"Есть дома у меня жена,
И маленький сынок...
Прокормит их моя страна,
Победы близок срок.
Колонны рыцарей тверды
Пока стоят в строю...
Но сквозь стальные их ряды

Я братьям путь пробью".
Он ринулся в австрийский строй
И смел и разъярен...
Всем телом - грудью, головой
Упал на копья он.
Пять копий раздробили шлем,
В бока вонзились шесть...
Но он смятение успел
В ряды австрийцев внести.
Самоотверженный герой,
Он первый льва смирил...
Своею кровью край родной
Он к воле возвратил.
В брешь, что пробита смельчаком,
Ударили друзья,
Копьем, секирою, клинком
Коля, рубя, разя.
И уstraшенный Лев завыл,
Еще держась пока...
Но Горный Бык его добил,
Вонзив рога в бока.
Знамена Австрии в пыли
У Земпахы, в бою...
Немало рыцарей нашли
Могилу там свою.
Да, был эрцгерцог Леопольд
Несокрушим на вид,
Но на швейцарцев он пошел
И в прах он был разбит.
А телка говорит быку:
"Ну как мне не грустить?
Чужак явился, чтоб меня
В долине подоить.
А ты ужасным рогом так
Его распотрошил,
Что уж на кладбище чужак,
Чтоб к нам он путь забыл".
Австрийский рыцарь, бросив бой,
Стремительно бежит.
Вот в Земпахе он со слугой
У озера стоит.
И кличет рыбака скорей
По имени Ганс Рот:
"За деньги, друг, нас пожалей,
И посади в свой бот".
Рыбак их вопли услышал...
Награду взять готов,
Он сразу к берегу пристал
И принял беглецов.
Покуда ловко он гребет
Средь пенистых зыбей,
Вельможа знак слуге дает:

Мол, рыбака убей!
Рыбак, будь зорок! Быть беде!
Уже кинжал сверкнул,
Но Ганс увидел тень в воде
И челн перевернул.
А сам, вскарабкавшись на челн,
Их оглушил веслом:
"А ну-ка, похлебайте волн
И марш на дно вдвоем!
Я нынче в озере поймал
Двух рыбок золотых:
Чешуйки блещут, как металл,
Да гниль внутри у них".
В родную Австрию спеша,
Гонец летит домой:
"Худые вести, госпожа,
Убит хозяин мой.
У Земпах в крови лежит
Труп герцога сейчас..."
"О боже, - дама говорит,
Помилуй грешных нас!"
Какой же бард был вдохновен
Сраженьем у стремнин?
Альберт-башмачник звался он,
Люцерна гражданин.
В ту ночь, ликуя и смеясь,
Он эту песнь сложил,
Из жаркой схватки возвратясь,
Где бог нас рассудил.
1818
Перевод Б. Томашевского